

Sherwood Anderson
Winesburg, Ohio

Шервуд Андерсон
Уайнсбург, Огайо

Перевел **Андрей Еремин**

Метод чтения Ильи Франка

www.franklang.ru

CONTENTS (содержание)

THE BOOK OF THE GROTESQUE (книга о нелепых людях)

HANDS (руки)

PAPER PILLS (бумажные шарики)

ADVENTURE (приключение)

RESPECTABILITY (почтенность)

TANDY (Тэнди)

AN AWAKENING (пробуждение)

"QUEER" (чудак)

THE UNTOLD LIE (невысказанная ложь)

DEATH (смерть)

SOPHISTICATION (умудрённость)

DEPARTURE (отъезд)

To the memory of my mother (памяти моей матери),

EMMA SMITH ANDERSON (Эммы Смит Андерсон),

whose keen observations on the life about her (чьи острые замечания о жизни вокруг неё; *keen* — *острый; пронизательный; observation* — *наблюдение; замечание*) first awoke in me the hunger (впервые пробудили во мне стремление; *first* — *сначала; впервые; to awake* — *будить, пробуждать; hunger* — *голод; сильное желание, жажда*) to see beneath the surface of lives (заглянуть за поверхность жизней; *to see* — *смотреть, видеть; beneath* — *ниже, под*), this book is dedicated (эта книга посвящена).

THE BOOK OF THE GROTESQUE

(книга о нелепых людях; *grotesque* — *гротеск; гротескный; нелепый*)

The writer, an old man with a white mustache (писатель, старик: «старый человек» с седыми усами; *white* — *белый; седой*), had some difficulty in getting into bed (испытывал: «имел» некоторую трудность в залезании в постель = когда укладывался в постель; *to get* — *добывать; влезать, попадать /куда-л./*). The windows of the house (окна дома) in which he lived (в котором он жил) were high (были высоко) and he wanted to look at the trees (а он хотел смотреть на деревья) when he awoke in the morning (когда просыпался утром; *to awake* — *просыпаться*). A carpenter came to fix the bed (пришёл плотник поднять кровать; *to come* — *приходить; to fix* — *фиксировать, устанавливать; чинить, регулировать*) so that it would be on a level with the window (так, чтобы она стала на /одном/ уровне с окном).

mother [ˈmʌðə], grotesque [grəʊˈtesk], writer [ˈraɪtə], mustache [məˈstɑːʃ],
carpenter [ˈkɑːpɪntə]

The writer, an old man with a white mustache, had some difficulty in getting into bed. The windows of the house in which he lived were high and he wanted to look at the trees when he awoke in the morning. A carpenter came to fix the bed so that it would be on a level with the window.

Quite a fuss was made about the matter (сколько суеты было из-за этого дела; *quite* — *вполне, совсем; /усил./ действительно, в самом деле; to make* — *делать, создавать; matter* — *вещество; вопрос, дело*). The carpenter, who had been a soldier in the Civil War (плотник, который был солдатом в Гражданскую войну¹), came into the writer's room (вошёл в комнату писателя) and sat down to talk of

¹ Гражданская война 1861–65 гг. между северными и южными штатами.

building a platform (и сел поговорить о сооружении помоста; *to sit down* — *сесть*; *to build* — *строить, сооружать*; *platform* — *платформа; помост*) for the purpose of raising the bed (с целью поднятия кровати = чтобы поднять кровать; *to raise* — *поднимать*). The writer had cigars lying about (в комнате у писателя в беспорядке лежали сигары: «писатель имел сигары, лежавшие вокруг»; *to lie* — *лежать*; *to lie about* — *валяться, лежать в беспорядке; быть разбросанным /о вещах/*) and the carpenter smoked (и плотник закурил; *to smoke* — *дымить/ся/; курить; smoke* — *дым*).

soldier [ˈsəʊldʒə], Civil [ˈsɪv(ə)l], down [daʊn], building [ˈbɪldɪŋ],
purpose [ˈpɜːpəs]

Quite a fuss was made about the matter. The carpenter, who had been a soldier in the Civil War, came into the writer's room and sat down to talk of building a platform for the purpose of raising the bed. The writer had cigars lying about and the carpenter smoked.

For a time (какое-то время) the two men talked of the raising of the bed (двое мужчин говорили о поднимании кровати; *man* — *человек, мужчина*) and then they talked of other things (а потом они /за/говорили о других вещах; *thing* — *вещь; дело*). The soldier got on the subject of the war (солдат затронул тему войны; *to get onto* — *переходить /к чему-л./*). The writer, in fact, led him to that subject (писатель, в сущности, навёл его на эту тему; *in fact* — *на самом деле, в действительности; fact* — *факт; to lead* — *вести, приводить*). The carpenter had once been a prisoner in Andersonville prison (плотник когда-то был заключённым в Андерсонвильской тюрьме²; *once* — *один раз; однажды, когда-то*) and had lost a brother (и потерял брата; *to lose* — *терять*). The brother had died of starvation (брат умер от голода), and whenever the carpenter got upon that

² Андерсонвильская тюрьма — известная военная тюрьма конфедератов в штате Джорджия. С февраля 1864 по апрель 1865 в ней содержались до 31 тыс. военнопленных северян; от болезней и голода погибли около 13 тыс. человек.

subject he cried (и каждый раз, когда плотник говорил на эту тему, он плакал; *to cry* — кричать; плакать).

talked [tɔ:kt], subject /сущ./ [ˈsʌbdʒɪkt], prisoner [ˈprɪz(ə)nə], brother [ˈbrʌðə],
whenever [weːnevə]

For a time the two men talked of the raising of the bed and then they talked of other things. The soldier got on the subject of the war. The writer, in fact, led him to that subject. The carpenter had once been a prisoner in Andersonville prison and had lost a brother. The brother had died of starvation, and whenever the carpenter got upon that subject he cried.

He, like the old writer, had a white mustache (у него, как и у старого писателя, были седые усы), and when he cried (и когда он плакал) he puckered up his lips (он надувал губы; *to pucker up* — морщить/ся/) and the mustache bobbed up and down (и усы прыгали вверх и вниз; *to bob up and down* — подскакивать, подпрыгивать). The weeping old man with the cigar in his mouth was ludicrous (плачущий старик с сигарой во рту был смешон; *to weep* — плакать; *ludicrous* — смехотворный, нелепый). The plan the writer had (план, который был у писателя: «/который/ писатель имел») for the raising of his bed was forgotten (для поднятия кровати, был забыт; *to forget* — забывать) and later the carpenter did it in his own way (и позже плотник сделал это по-своему: «в своём собственном методе»; *late* — поздний; *to do* — делать; *way* — путь; метод, способ) and the writer, who was past sixty (и писателю, которому было за шестьдесят; *past* — за, после; *сверх*), had to help himself with a chair (приходилось помогать себе стулом = приставлять к кровати стул; *to have to do smth* — быть должным, вынужденным сделать что-л.) when he went to bed at night (когда он ночью ложился спать; *to go to bed* — ложиться спать: «идти к постели»).

cigar [sɪˈgɑ:], mouth [maʊθ], ludicrous [ˈlu:dɪkrəs], raising [ˈreɪzɪŋ]

He, like the old writer, had a white mustache, and when he cried he puckered up his lips and the mustache bobbed up and down. The weeping old man with the cigar in his mouth was ludicrous. The plan the writer had for the raising of his bed was forgotten and later the carpenter did it in his own way and the writer, who was past sixty, had to help himself with a chair when he went to bed at night.

In his bed the writer rolled over on his side (в постели писатель поворачивался на бок; *to roll over* — перекатываться, переворачиваться; *to roll* — катить/ся/; вертеть/ся/) and lay quite still (и лежал совершенно тихо; *to lie; still* — неподвижно, спокойно, тихо). For years he had been beset with notions (много лет его осаждали соображения: «он был осаждаем соображениями»; *to beset* — осаждать /тж. перен./; *notion* — понятие, представление) concerning his heart (относительно его сердца; *concerning* — касательно, относительно; *to concern* — затрагивать, касаться). He was a hard smoker (он был заядлый курильщик; *hard* — твёрдый; стойкий; усиленно предающийся /чему-л./) and his heart fluttered (и его сердце трепыхалось; *to flutter* — трепетать; биться неровно /о сердце/). The idea had got into his mind (мысль проникла в его разум = в его уме укоренилась мысль; *idea* — идея, мысль) that he would some time die unexpectedly (что он когда-нибудь: «в какое-то время» умрёт неожиданно; *to expect* — ожидать) and always when he got into bed (и всегда, когда он ложился в постель) he thought of that (он думал об этом; *to think*). It did not alarm him (это его не тревожило). The effect in fact was quite a special thing (эффект был на самом деле чем-то совсем особым; *effect* — эффект, результат; влияние; *thing* — вещь, предмет; нечто) and not easily explained (и нелегко объяснимым; *to explain* — объяснять).

heart [hɑ:t], unexpectedly [ˌʌnɪkˈspektɪdli], always [ˈɔ:lw(e)ɪz],

thought [θɔ:t], easily [ˈi:zɪli]

In his bed the writer rolled over on his side and lay quite still. For years he had been beset with notions concerning his heart. He was a hard smoker and his heart fluttered. The idea had got into his mind that he would some time die unexpectedly and always when he got into bed he thought of that. It did not alarm him. The effect in fact was quite a special thing and not easily explained.

It made him more alive, there in bed (эта /мысль/ делала его более живым там, в постели; *alive* — *живой, бодрый*), than at any other time (чем в любое другое время). Perfectly still he lay (совершенно тихо он лежал; *perfect* — *совершенный; полный*) and his body was old (и тело его было старое) and not of much use any more (и больше не слишком полезное: «не многой пользы»; *use* — *использование; польза, толк*), but something inside him was altogether young (но что-то внутри него было совсем молодым). He was like a pregnant woman (он был как беременная женщина; *like* — *подобный, похожий*), only that the thing inside him (только это что-то внутри него; *only that* — *если бы не то, что; только вот*) was not a baby but a youth (было не младенцем, а юношей). No, it wasn't a youth (нет, это был не юноша), it was a woman (это была женщина), young, and wearing a coat of mail like a knight (молодая и в кольчуге, как рыцарь; *to wear* — *носить /одежду/, быть одетым; coat of mail* — *кольчуга; coat* — *пиджак; покров; mail* — *кольчуга; скорлупа, панцирь /у животных/*).

perfectly [ˈpɜːfɪktli], altogether [ˌɔːltəˈgeðə], pregnant [ˈpregnənt], youth [juːθ],
knight [naɪt]

It made him more alive, there in bed, than at any other time. Perfectly still he lay and his body was old and not of much use any more, but something inside him was altogether young. He was like a pregnant woman, only that the thing inside him was not a baby but a youth. No, it wasn't a youth, it was a woman, young, and wearing a coat of mail like a knight.

It is absurd, you see, to try to tell (видите, нелепо пытаться сказать; *absurd* — абсурдный, нелепый; *you see* — видите ли, понимаете) what was inside the old writer (что было внутри старого писателя) as he lay on his high bed (когда он лежал на высокой кровати) and listened to the fluttering of his heart (и прислушивался к трепыханию своего сердца; *to listen* — слушать; прислушиваться). The thing to get at is what the writer (что надо понять, так это то, о чём писатель; *to get at* — добраться /до чего-л./; понять, выяснить), or the young thing within the writer (или то молодое внутри писателя; *within* — в, внутри), was thinking about (думало).

The old writer, like all of the people in the world (старый писатель, как и все люди на свете; *world* — мир, свет), had got, during his long life (накопил: «получил» в течение долгой жизни), a great many notions in his head (великое множество понятий в своей голове).

absurd [əb`sz:d], listened [`lɪs(ə)nd], world [wɜ:lɪd], during [`dʒʊərɪŋ],
notions [`nəʊʃ(ə)nɪz]

It is absurd, you see, to try to tell what was inside the old writer as he lay on his high bed and listened to the fluttering of his heart. The thing to get at is what the writer, or the young thing within the writer, was thinking about.

The old writer, like all of the people in the world, had got, during his long life, a great many notions in his head.

He had once been quite handsome (он когда-то был весьма красив; *handsome* — красивый, статный /о мужчине/) and a number of women had been in love with him (и многие женщины любили его; *number* — число, количество; *a number of* — несколько, ряд; много; *to be in love with smb* — быть влюблённым в кого-л.: «быть в любви с кем-л.»). And then, of course (а кроме того, конечно; *and then* — а затем; и потом, кроме того), he had known people, many people (он знал людей, многих людей; *to know* — знать, быть знакомым /с кем-л./), known them

in a peculiarly intimate way (знал их особенно близко: «особенно близким образом»; *intimate* — *интимный; близкий, хорошо знакомый*; *way* — *путь; образ действия, способ*) that was different from the way (не так: «что был отличен от того образа») in which you and I know people (как мы с вами: «которым вы и я» знаем людей). At least that is what the writer thought (по крайней мере, так думал писатель: «это то, что думал писатель»); *at least* — *по крайней мере, во всяком случае*; *least* — *минимальное количество; самое меньшее*) and the thought pleased him (и эта мысль была ему приятна; *to please* — *доставлять удовольствие, нравиться*). Why quarrel with an old man concerning his thoughts (зачем /же/ спорить со стариком о его мыслях; *to quarrel* — *ссориться; спорить*)?

handsome [ˈhæns(ə)m], women [ˈwɪmɪn], known [nəʊn], peculiarly [piˈkjuːliəli],
intimate /прил./ [ˈɪntɪmɪt], quarrel [ˈkwɒrəl]

He had once been quite handsome and a number of women had been in love with him. And then, of course, he had known people, many people, known them in a peculiarly intimate way that was different from the way in which you and I know people. At least that is what the writer thought and the thought pleased him. Why quarrel with an old man concerning his thoughts?

In the bed the writer had a dream (в постели писатель видел: «имел» сон) that was not a dream (который не был сном). As he grew somewhat sleepy (когда он делался несколько сонным; *to grow* — *расти; становиться*; *sleepy* — *сонный; сонливый*; *sleep* — *сон /состояние/*) but was still conscious (но ещё сохранял сознание; *still* — */всё/ ещё, по-прежнему*; *conscious* — *сознающий; находящийся в сознании*), figures began to appear before his eyes (фигуры начинали появляться перед его глазами; *to begin* — *начинать/ся*). He imagined the young indescribable thing within himself (ему представлялось, /будто/ это молодое, неопишемое в нём; *to imagine* — *воображать, представлять себе*; *to describe* — *описывать*)

was driving a long procession of figures before his eyes (проводит длинную вереницу фигур перед его глазами; *to drive* — водить, вести, управлять /машиной и т. д./; *procession* — процессия; вереница).

conscious [ˈkɒnʃəs], figures [ˈfɪɡəz], indescribable [ˌɪndɪsˈkraɪbəb(ə)l],
procession [prəˈseɪʃ(ə)n]

In the bed the writer had a dream that was not a dream. As he grew somewhat sleepy but was still conscious, figures began to appear before his eyes. He imagined the young indescribable thing within himself was driving a long procession of figures before his eyes.

You see (видите ли) the interest in all this lies in the figures (интерес во всём этом = весь интерес заключается в фигурах; *to lie* — лежать; заключаться) that went before the eyes of the writer (которые проходили перед глазами писателя). They were all grotesques (они все были нелепыми: «гротесками»). All of the men and women (все мужчины и женщины: «все из мужчин и женщин») the writer had ever known (/которых/ писатель когда-либо знал) had become grotesques (стали нелепыми).

The grotesques were not all horrible (эти нелепые люди не все были ужасными; *horrible* — страшный, ужасающий). Some were amusing (некоторые были забавными; *amusing* — забавный, занимательный; *to amuse* — забавлять, занимать внимание), some almost beautiful (некоторые почти красивыми), and one, a woman all drawn out of shape (а одна /фигура/, женщина совсем бесформенная: «вся вытянутая из формы»; *to draw* — тянуть, тащить; искажаться /обыкн. пасс./; *out of shape* — потерявший правильную форму, искажённый; *out of* — вне, за; без /какого-л. качества/; *shape* — форма), hurt the old man by her grotesqueness (ранила писателя своей нелепостью; *to hurt* — причинить боль; ранить; больно задеть).

interest [ˈɪntrɪst], grotesques [grəʊˈtesks], amusing [əˈmju:zɪŋ],
beautiful [ˈbju:tɪf(ə)l]

You see the interest in all this lies in the figures that went before the eyes of the writer. They were all grotesques. All of the men and women the writer had ever known had become grotesques.

The grotesques were not all horrible. Some were amusing, some almost beautiful, and one, a woman all drawn out of shape, hurt the old man by her grotesqueness.

When she passed (когда она проходила) he made a noise like a small dog whimpering (он издал звук, как маленькая скулящая собачка = заскулил, как собачонка; *noise* — шум; неприятный звук; *to whimper* — хныкать; *скулить* /о собаке/). Had you come into the room (войди вы в комнату) you might have supposed (вы могли бы подумать; *to suppose* — /пред/полагать, думать) the old man had unpleasant dreams (/что/ у старика дурные сны; *unpleasant* — неприятный; *pleasant* — приятный) or perhaps indigestion (или, возможно, несварение желудка; *digestion* — пищеварение; *to digest* — переваривать /пищу/).

For an hour the procession of grotesques (/целый/ час вереница нелепых людей) passed before the eyes of the old man (проходила перед глазами старика), and then, although it was a painful thing to do (а затем, хотя это было и тягостно: «тягостной вещью» делать; *painful* — болезненный; мучительный, тягостный; *pain* — боль; мучение), he crept out of bed and began to write (он медленно выбрался: «выполз» из постели и начал писать; *to creep* — ползать). Some one of the grotesques had made a deep impression on his mind (кое-кто из нелепых людей произвёл глубокое впечатление на него; *to impress* — производить впечатление, поражать; *mind* — ум, разум; дух, душа) and he wanted to describe it (и он хотел описать это).

noise [nɔɪz], unpleasant [ʌnˈplez(ə)nt], indigestion [ˌɪndɪˈdʒestʃ(ə)n],

hour [ˈaʊə], write [raɪt]

When she passed he made a noise like a small dog whimpering. Had you come into the room you might have supposed the old man had unpleasant dreams or perhaps indigestion.

For an hour the procession of grotesques passed before the eyes of the old man, and then, although it was a painful thing to do, he crept out of bed and began to write. Some one of the grotesques had made a deep impression on his mind and he wanted to describe it.

At his desk the writer worked for an hour (за столом писатель работал час; *desk* — письменный, рабочий стол). In the end he wrote a book (в итоге он написал книгу; *end* — конец; *итог, результат*) which he called "The Book of the Grotesque" (которую назвал «Книга о нелепых людях»; *to call* — кричать; называть). It was never published (она так и не была издана; *never* — никогда; так и не), but I saw it once (но я видел её однажды) and it made an indelible impression on my mind (и она произвела на меня неизгладимое впечатление; *indelible* — нестираемый; неизгладимый). The book had one central thought (книга содержала одну основную мысль; *central* — центральный; главный, основной) that is very strange (которая очень странная) and has always remained with me (и /с тех пор/ всегда остаётся со мной). By remembering it (вспоминая её: «вспоминанием её»; *to remember* — помнить; вспоминать) I have been able to understand many people and things (я мог понять множество людей и вещей; *able* — способный; *to be able to* — мочь, быть в состоянии) that I was never able to understand before (которых никогда прежде понять не мог).

wrote [rəʊt], indelible [ɪnˈdeləb(ə)l], impression [ɪmˈpreʃ(ə)n], central [ˈsentrəl]

At his desk the writer worked for an hour. In the end he wrote a book which he called "The Book of the Grotesque." It was never published, but I saw it once and it

made an indelible impression on my mind. The book had one central thought that is very strange and has always remained with me. By remembering it I have been able to understand many people and things that I was never able to understand before.

The thought was involved (эта мысль была сложная; *to involve* — *вовлекать; запутывать*) but a simple statement of it (но простое её изложение; *statement* — *заявление; изложение; to state* — *заявлять; излагать*) would be something like this (было бы чем-то вроде этого):

That in the beginning (что в начале) when the world was young (когда мир был молод) there were a great many thoughts (существовало: «там были» огромное множество мыслей) but no such thing as a truth (но не /было/ такой вещи, как правда). Man made the truths himself (человек создавал правды сам) and each truth was a composite of a great many vague thoughts (и каждая правда была смесью великого множества неясных мыслей; *composite* — *смесь, соединение; /тех./ композит; vague* — *расплывчатый, смутный, неясный, неопределённый*). All about in the world were the truths (повсюду в мире были правды) and they were all beautiful (и они все были прекрасны).

young [jʌŋ], truths [tru:ðz; tru:θs], composite [ˈkɒmpəzɪt], vague [veɪɡ]

The thought was involved but a simple statement of it would be something like this:

That in the beginning when the world was young there were a great many thoughts but no such thing as a truth. Man made the truths himself and each truth was a composite of a great many vague thoughts. All about in the world were the truths and they were all beautiful.

The old man had listed hundreds of the truths in his book (старик перечислил сотни правд в своей книге; *to list* — *вносить в список; составлять список; list* — *список*). I will not try to tell you of all of them (я не стану пытаться рассказать

вам обо всех из них). There was the truth of virginity (там была правда девственности; *virgin* — *девственница; девственник*) and the truth of passion (и правда страсти), the truth of wealth and of poverty (правда богатства и нищеты; *poverty* — *бедность, нищета*), of thrift and of profligacy (бережливости и расточительности; *profligacy* — *распутство; расточительность*), of carelessness and abandon (легкомыслия и самозабвения; *carelessness* — *небрежность; легкомыслие; careless* — *небрежный; легкомысленный; care* — *забота; внимательность; abandon* — /книжн./ *импульсивность; несдержанность; самозабвение*). Hundreds and hundreds were the truths (сотни и сотни было правд) and they were all beautiful (и все они были прекрасны).

And then the people came along (а потом пришли люди; *to come along* — *идти вместе /с кем-л./; появляться, прибывать; along* — *вдоль; дальше*). Each as he appeared (каждый, когда появлялся) snatched up one of the truths (хватал одну из правд) and some who were quite strong (а некоторые, которые были довольно сильны) snatched up a dozen of them (хватали десяток: «дюжину» их).

virginity [vɜːˈdʒɪnɪti], passion [ˈpæʃ(ə)n], wealth [welθ], poverty [ˈpɒvəti],
profligacy [ˈprɒflɪɡəsi], carelessness [ˈkeəlɪsnɪs], dozen [ˈdɒz(ə)n]

The old man had listed hundreds of the truths in his book. I will not try to tell you of all of them. There was the truth of virginity and the truth of passion, the truth of wealth and of poverty, of thrift and of profligacy, of carelessness and abandon. Hundreds and hundreds were the truths and they were all beautiful.

And then the people came along. Each as he appeared snatched up one of the truths and some who were quite strong snatched up a dozen of them.

It was the truths that made the people grotesques (это было правды, что делало = именно правды делали людей нелепыми). The old man had quite an elaborate theory concerning the matter (старик имел довольно продуманную теорию на этот счёт: «касательно этого вопроса»; *elaborate* — *тщательно, детально*

разработанный). It was his notion that the moment (это было его представление, что = по его представлениям, в тот миг; *moment* — миг, минута, момент) one of the people took one of the truths to himself (/когда/ один из людей брал себе одну из правд; *to take* — брать; хватать), called it his truth (называл её своей правдой), and tried to live his life by it (и старался прожить по ней жизнь), he became a grotesque (он становился нелепым) and the truth he embraced became a falsehood (а правда, /которую/ он избирал, становилась ложью; *to embrace* — обнимать; принимать; выбирать; *false* — неверный, ложный).

elaborate /прил./ [ɪˈləb(ə)rɪt], theory [ˈθɪ(ə)rɪ], moment [ˈmɒmənt],
falsehood [ˈfɔːlshʊd]

It was the truths that made the people grotesques. The old man had quite an elaborate theory concerning the matter. It was his notion that the moment one of the people took one of the truths to himself, called it his truth, and tried to live his life by it, he became a grotesque and the truth he embraced became a falsehood.

You can see for yourself how the old man (вы сами: «для себя» можете понять, как = что старик; *to see* — видеть; понимать), who had spent all of his life writing (который провёл всю свою жизнь за писанием: «пиша»; *to spend* — тратить; проводить /время/) and was filled with words (и был полон словами; *to fill* — наполнять/ся), would write hundreds of pages concerning this matter (мог бы написать сотни страниц на эту тему). The subject would become so big in his mind (этот предмет мог бы стать столь большим в его уме) that he himself would be in danger of becoming a grotesque (что писатель сам был бы в опасности становления нелепым = сам рисковал стать нелепым). He didn't, I suppose (он не стал /нелепым/, полагаю), for the same reason (по той же причине) that he never published the book (что = по которой так и не опубликовал книгу). It was the young thing inside him that saved the old man (это было молодое внутри него, что спасло старика = молодое внутри него — вот что спасло старика).

words [wɜ:dz], would [wʊd], become [bɪ`kʌm], suppose [sə`pəʊz],
reason [ˈri:z(ə)n]

You can see for yourself how the old man, who had spent all of his life writing and was filled with words, would write hundreds of pages concerning this matter. The subject would become so big in his mind that he himself would be in danger of becoming a grotesque. He didn't, I suppose, for the same reason that he never published the book. It was the young thing inside him that saved the old man.

Concerning the old carpenter (что касается старого плотника) who fixed the bed for the writer (который поднимал кровать для писателя), I only mentioned him because he (я упомянул его лишь потому, что он), like many of what are called very common people (подобно многим из так называемых самых обычных людей: «тех, что называются самыми обычными людьми»; *common* — *общий; обычный, простой*), became the nearest thing (стал ближайшим созданием = более всего приблизился; *near* — *близкий*) to what is understandable and lovable (к тому, что понятно и привлекательно; *understandable* — *понятный; lovable* — *милый, приятный*) of all the grotesques in the writer's book (из всех нелепых личностей в книге писателя).

concerning [kən`sɜ:nɪŋ], mentioned [ˈmenʃ(ə)nd], because [bɪ`kɒz],
nearest [ˈniəɹəst], lovable [ˈlʌvəb(ə)l]

Concerning the old carpenter who fixed the bed for the writer, I only mentioned him because he, like many of what are called very common people, became the nearest thing to what is understandable and lovable of all the grotesques in the writer's book.

Здесь только небольшой фрагмент книги.

Полный текст книги Вы можете приобрести на сайте <http://www.franklang.ru>
в разделе «Тексты на английском языке, адаптированные по методу чтения
Ильи Франка»